

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ МИКРОПОЛЯ «КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»)

Часть 1

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, концептуальное микрополе «Кровные родственники», этнокультурная специфика, кубанские говоры.

Keywords: cognitive dialectology, dialect world view, conceptual microfield “Blood relatives”, ethnocultural specifics, Kuban dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–02

Многогранность родственных отношений обуславливает концептуальную полифонию понятия «семья», разнообразие форм его вербализации, способность к лингвокогнитивным и этнокультурным модификациям. Будучи индикатором особенностей национального менталитета, концепт «семья» неоднократно становился предметом разносторонних научных изысканий, в том числе лингвокогнитивных и лингвокультурологических (см. работы Е. В. Добровольской, Н. Н. Занегиной, М. В. Матвеевой, Н. Н. Рухленко, А. С. Сказко и др.). В приведённых исследованиях *семья* рассматривается как многослойный поликонцепт, репрезентируемый системой лексических и фразеологических единиц, структурируемый соответствующими микрополями и имеющий этнокультурные особенности. Каждый этнос обладает «неповторимыми ассоциациями образного мышления, обусловленными особым семантическим наполнением каждого слова — культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют её национальную специфику» [Мишаева, Гасанова, 2016, с. 30].

Концептуальное поле «Семья» в сознании носителей кубанских говоров (далее — КГ) достаточно объёмно, что является показателем важности семейных отношений. Под концептуальным полем как частью концептуальной системы диалектоносителя мы понимаем един-

ство экстралингвистически обусловленных элементов, обладающих семантической общностью и репрезентирующих в синхронии и диахронии этнические ценности и культурные коды, характерные для данного диалектного сообщества. Ядро концептуального поля «Семья» составляют выделяемые на основе экстралингвистического фактора микрополя «Кровные родственники» и «Некровные родственники». В них устанавливается родство реальное / условное, по прямой / боковой линии, близкое / дальнее. Наиболее важным видом родства считается кровное родство.

Объектом исследования данной статьи является микрополе «Кровные родственники». Цель работы — раскрыть лингвокогнитивную сущность отношений между кровными родственниками в диалектной картине мира (далее — ДКМ) жителей Кубани, выявив коннотативное содержание репрезентантов исследуемого микрополя и рассмотрев их специфику на материале КГ.

Описать микрополе «Кровные родственники» позволяют имеющиеся лексико-фразеологические ресурсы, а также устные высказывания носителей КГ, в которых отражаются особенности восприятия семьи как традиционной базовой ценности. Источниками исследования послужили региональные словари по КГ [Андрющенко и др, 2006; 2009; Борисова, 2019; Лексика..., 2019; РГК], рукописный словарик пословиц и поговорок, составленный жительницей станицы Старотитаровской А. Н. Котелевич [Котелевич, 2010], сборник кубанских пословиц и поговорок П. Ткаченко [Ткаченко, 2008], а также данные многолетних полевых экспедиций (2005–2019 гг.).

Анализируемый языковой материал обладает разной степенью информативности и различной временной отнесённостью. Возникшие в более ранний период слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки, присказки, песни и иное в большей степени отражают традиционное мировидение носителей говоров, в котором проявляются архетипические, общенародные взгляды на окружающую действительность, являющиеся результатом объективированного фольклорного сознания. Безусловно, под влиянием экстралингвистических факторов ДКМ, имея некую неизменную основу, постоянно трансформируется, что наиболее ярко проявляется в высказываниях нынешних диалектоносителей, где фиксируются как архаические, так и современные представления о родственных отношениях, поскольку именно речь содержит максимально объективную информацию о человеке, воспринимающем себя как часть мира и диалектного сообщества. Опора на разнообразные источники делает возможным описать концептуальное микрополе «Кровные родственни-

ки» в синхронно-диахроническом аспекте, отразив динамику одних его участков и консервацию других.

Большинство базовых слов с интегральной семей «родня, род» в исследуемом концептуальном пространстве составляют существительные с корнем РОД- / РИД-: *поро́да, при (ы) ро́да, ридня́, роденю́шка, родь, роды́на, сродство́, сродство́*. Выделение корня РОД у семантических вариантов слов литературного языка (далее — ЛЯ) *поро́да, при-ро́да* обусловлено сохранением в КГ его семантического веса. Отметим, что в ЛЯ у этих лексических единиц (далее — ЛЕ) иное морфемное членение: в них наблюдается процесс опрощения, в результате чего произошло слияние исконных приставки и корня. В значении «родня, род» лексема *поро́да* в словаре русского языка снабжена пометами *устар.* и *прост.* (МАС, III, с. 303). В КГ она входит в активный словарный запас их носителей, выступая также компонентом фразеологической единицы (далее — ФЕ) *на́ша поро́да* — «родственники, похожие внешне и складом характера»: *Ви́тя — на́ша паро́да, вы́литый де́душка Ва́ня, а Ко́ля в Та́нину радню́ пашо́л* (пос. Пашковский). Словообразовательное гнездо с корнем РОД- / РИД- в КГ составляют структурные варианты общенародных слов: существительные *сроднык, ро́дыч* «родственник», *ро́дычка* «родственница»; прилагательные *ро́дный* (в кубанских говорах с южнорусской языковой основой, далее — КГЮЯО) / *ри́дный* (в кубанских говорах с украинской языковой основой, далее — КГУЯО), а также диалектные глаголы *родня́ться, родыча́ться* «поддерживать родственные отношения». Приведённые ЛЕ находятся в активном словаре диалектоносителей. Менее частотно диалектное существительное *кро́вность* «кровная родня», которое в КГ можно рассматривать как локализм, созданный на базе прилагательного *кро́вный* «происходящий от одних предков, родной по крови» (МАС. 1957–1961, т. II, с. 132) (см. также ворон. и ряз. «родной, родственный») (СРНГ. Т. 15, с. 268), образованного от слова *кровь*, передающего в метафорическом плане идею родства и наследственности.

В крае широко известны поговорки, подчёркивающие естественную потребность человека жить семейной жизнью, обусловленную неприятием одиночества, желанием отдавать любовь и заботу близким, пониманием семьи как надёжного тыла. Приведём поговорку в огласовке, записанной в станице Старомышастовской: *И горобэ́ць биз людэ́й нэ жыва́*. См. также её вариант, зарегистрированный в высказывании информанта из станицы Елизаветинской: *Ну́жно жыны́ця, шоб була́ сямья́, ди́ты. И горобэ́ць оды́н ны жыва́*. Эта идея отражается и во фразеологии. См., напр.: *жить гуртылём* «жить сообща, большой семьёй»

(станция Воронежская), *жить как оди́н дух* «дружно, одним домом, сообща вести хозяйство» (станция Ярославская). В рассказах диалектоносителей часто подчёркивается важность регулярного личного общения между родственниками. См., напр.: *Мы с плимя́нниками радыча́имся. Ани да на́с ча́ста прыижжа́ють, зво́ним друх дру́гу* (пос. Пашковский). Информанты с сожалением признают, что в современной жизни встречи с близкими часто заменяются разговорами по телефону: *Ужэ́ не ба́чимся, по тэлэфо́ну ти́лько* (станция Старотитаровская).

Семья в языковом сознании носителей КГ ассоциируется с домом, что в целом характерно для русской языковой картины мира (далее — ЯКМ), в которой ЛЕ *дом* может функционировать как синоним-дублет концептуального знака «семья», актуализируя семантику семейного пространства и порядка. Дом на Кубани часто называют *ха́той*. В лексической паре *хата* — *семья* отражается двойственность концептуального восприятия семьи как системы родственных отношений и как способа организации быта этих отношений. Приведём записанные на Кубани паремии, где существительное *хата* выступает синонимом лексемы *семья*: *Ка́жна ха́та свои́м го́рем напха́та; хоть с ха́ты тика́й* «о неблагоприятной обстановке в семье».

Беседы с информантами показали: современные жители Кубани проявляют интерес к истокам своего рода. В КГ зарегистрированы следующие диалектные наименования родословной: *родосло́вие, родосло́вность*. Приведём их в высказываниях информантов: *Систра́ мне написа́ла письмо́, штоп я ей написа́ла радасло́вність* (станция Архангельская). *Родосло́вие на́ше тако́е: ищё када́ царь Ива́н Гро́зный захвати́л Кры́мский пэрэиэ́йик, он назна́чил там гла́вным Була́та по на́ший кро́ви. И вот мы вы́хоццы отту́да* (хутор Могукоровский). В кубанских станицах много потомственных казачьих семей. Следует отметить, что в былые времена не приняты были браки с иногородними, казаки стремились отыскать себе невесту — ровно по социальному положению. См., напр.: *А как сва́йба была́, коза́к абиза́тильно бу́дит брать коза́чку, а нагоро́дный — нагоро́дную* (станция Елизаветинская). Принадлежность к потомственному казачеству — предмет гордости и в наши дни. Приведём показательное высказывание: *Мы по́томные* (станция Полтавская). Диалектное прилагательное образовано по непродуктивной деривационной модели: наречие *потом* + суффикс -Н-. В сравнении с литературным эквивалентом *потомственный* (от существительного *потомство* + суффикс -ЕНН) в диалектизме на первый план выступает темпоральная семантика производящей основы *потом* — «следует за каким-либо событием, явлением, действием, затем» (МАС,

т. III, с. 331). Таким образом, в слове *пото́мный* актуализируется признак времени: это не только «принадлежащий по рождению к казачьему сословию», как у слова *потомственный*, но и «следующий за прошлыми поколениями, связанный с ними вековыми казачьими традициями».

Традиционная кубанская семья состояла из нескольких поколений родственников, живших под одной крышей. Главой такой патриархальной семьи был старший мужчина. В народном сознании именно старейшина рода — своеобразное связующее звено разных поколений одной семьи. Как отмечает кубанский историк О. В. Матвеев, поколение «обычно измерялось периодом от смерти главы семьи до момента смерти его старшего наследника. Выражение «это было при моём деде» подразумевает, что прадед в это время уже не жил, иначе бы событие датировалось по прадеду» [Матвеев, 2005, с. 132]. Старшим мужчиной в семье выступает, как правило, дед, номинация которого в кубанской языковой традиции имеет некоторые особенности в огласовке. Так, носители КГЮЯО произносят — *дед*, носители КГУЯО — *дид*². В местном диалекте функционируют также структурные варианты, которыми ласково называют дедушку: *де́ дя, деду́ ня / деду́ ня, деду́ нчик*.

Традиционно дед в семье и в обществе (станичной общине) — всеми уважаемый человек, обладающий большим авторитетом, истинный казак. См. показательные высказывания информантов: *Дет был здоро́ вый каза́ цю́ ра* (станция Ахтанизовская). *Дет был каза́ чу́ ра, кама́ ндавал со́ тней* (станция Кубанская). *Де́ душка був коза́ к, носы́ в хво́ рму коза́ ка́* (станция Мингрельская). *Та там дид був ты́ кы́ й каза́ цю́ ра, шо ды́ ржы́ сь* (станция Новокорсунская). *Дид був, як каза́ лы, рэ́ паный каза́ к, такы́ й ма́ тёрый каза́ к* (пос. Пашковский). *Та мы ужэ́ так, а вот де́ душка, тот был каза́ чу́ ра* (Усть-Лабинск). Н. И. Бондарь в статье «Дед / дид — баба» приводит записанную на Кубани пословицу, отражающую безграничное почитание деда: *Мною можно пол мыть, а дид а як ца́ ря посады́ ть* [Бондарь, 2019, с. 504]. Пока отец или дед не благословят, к еде в казачьей семье не приступали. Информанты старшего поколения рассказывают, что если кто-то из младших при встрече со старшими не проявил должного уважения или, наоборот, поступил по обычаю, то старший останавливал его и спрашивал имя деда, а не отца и затем просил передать деду нарекание или похвалу (ср.: [Бондарь, 2019, с. 504]).

В рассказах носителей КГ подчёркиваются дальновидность деда, его житейская мудрость и практичность. Приведём показательное воспоминание информанта: *Де́ душка ка́ жэ: «А Та́ сю на́ до одда́ ть*

² Слова дед / дид в КГ служат также обращением к мужчинам самой старшей возрастной группы или к ровесникам отца, уже имеющим внуков.

в я'сли». А ма'ма ка'жэ: «Шо у на'с и'сты ны'чэго?» А де'душка ка'жэ: «Е'сли лю'ды поба'чуть, шо у на'с е, шо и'сты, то до на'с пры'йдуть и бу'дуть шука'ть зирно', и забыру'ть. Есть у на'с и'сты, нима'е, а Та'сю на'до на площа'тку одда'ть». И оддали' мэ'нэ на площа'тку (пос. Пашковский).

Диалектоносители обращают внимание на трудолюбие и мастеровитость деда. Например: По'ршни я наси'ла. Де'душка, ма'мин ате'ц, хади'ть не' в чим, о'буви никако'й не' была, а тётка, ма'мина си'стра', два'цать васьмо'ва, я тры'цать втаро'ва, а де'душка пашы'л нам (станция Кабардинская). У мэ'нэ дет був, вин нивысо'кага ро'ста був, но кля'тый до рабо'ты каза'к (станция Новотитаровская). Лю'ды хо'дють про'сто, а дэ'душка бузлу'к здэ'лал. Бузлукы'на но'гы надэ'нэ и хо'дэ. Металли'чески, там такы'шыты'здэ'ланы, шоп нэ сковза'цця (станция Старотитаровская).

На основе высказываний информантов можно выделить ещё и такие стереотипизированные качества деда, как физическая крепость, жилистость, ловкость, долголетие: Диду'ня наш дивяно'ста лет пражы'л (станция Архангельская). А де'душку грэци'кы'нулы. Ну вин цэпкы'й як ки'шка, вин успи'в хваты'цця за шо'сь там. Драбы'на упа'ла, а вин вы'си'в, а пото'м стри'бнув (станция Гривенская). В активном словаре носителей КГ находится ФЕ ко'лом / дры'ном / дрюко'м / дрючко'м не до'бьёшь «о крепком, обычно немолодом человеке», которые, как правило, используются по отношению к деду: Дет тако'й, шо дрю'кам ни да'бьёш (хутор Ильич). Дет у на'с будэ' здаро'в: дрючко'м ни да'бьёш (станция Малотенгинская). Он (дед) тако'й кре'пкий, си'льный, ужэ'сто'лька лет, а дры'нам ни да'бьёш (станция Упорная).

В языковом сознании диалектоносителей дед олицетворяют собой благополучие и достаток семьи. Отсюда бытующая в КГУЯО поговорка По'кы'ди'да, покы'и хли'ба, то есть семья, в которой есть старый мужчина, имеющий богатый опыт ведения хозяйства, обладающий житейской мудростью, никогда не будет нуждаться и бедствовать. Приведём эту поговорку с пояснением информанта: Ще ма'ма на'ша каза'ла: покы'ди'да, покы'и хли'ба. Цэ зна'чит, шо колы'есть в доми'муци'на, симь'лу'чче жыве'цця, ужэ' вона' голодува'ть ны бу'дэ (станция Старотитаровская). Синтаксический параллелизм, лежащий в основе поговорки, позволяет рассматривать лексемы дед / дид и хлеб / хлиб как контекстные синонимы. Необходимо подчеркнуть, что сеять хлеб традиционно считалось исключительно мужским занятием. Показательно, что в годы войны, когда большинство мужчин были на фронте, выполнявшие их работу женщины просили немощных стариков хотя бы на-

чать сев. Глубокая народная мудрость, заложенная в приведённой паремии, находит воплощение и в популярной на Кубани песне «Хлебушко» (муз. Г.Ф. Пономаренко, сл. А. Фоминых):

*Людям жить нельзя без хлеба,
Птицам жить нельзя без хлеба,
Хлебушко, хлебушко —
Всей Кубани дедушка!*

Обладая общим концептуализированным признаком «дающий начало роду / жизни» (ср.: *Хлеб — всему голова, Дед — глава семьи*), понятия *хлеб* и *дед* являются значимыми концептами и в современной народной культуре.

К диалектным номинациям бабушки в КГ относятся нейтральные лексемы *ба'ба, баба'ка* и эмоционально окрашенные существительные *бу'ся, бабу'ня, бабу'нька, бу'сенька*. Следует отметить, что источником большинства вторичных диалектных номинаций бабушки, как и деда, в КГ является детская речь. Бабушка занимает в кубанской семье особое положение. Она не только ведёт домашнее хозяйство, но и нянчит внуков, занимается их воспитанием. Приведём воспоминания информантов о своём детстве и о той роли, которую в их жизни сыграла бабушка: *Ба'бушка напына'е шаль, туда' Лю'нку и пузырёк ма'нки навару'ла. И оцэ' Лю'нка была' пу'хтя, све'жа* (станция Копанская). *Я нэ по'мню, шоб нас бы'лы. Ба'бушка ну кода' там лица' дать по горбя'ки* (станция Кущёвская). *По'мню, как мне ба'бушка гавари'ла: «Ны оставля'й нычэго в тари'лки! Пры'йдэ баба'й и бу'дэ за тобо'й, всю ночь гоня'цця»* (станция Платнировская). *Я нэ хоти'ла в де'цкий сат ходы'ть: нэ нра'вылось, шо там спать ложы'лы в обит. У на'с ба'бушка до'ма була', ба'бушка ш нас нэ вклада'е, а там на'до спать* (станция Старотитаровская).

Информанты рассказывают, что первый выпавший зуб бросали бабушке, приговаривая: *«Бабушка, на тебе железный зуб, а мне дай косяной»* [Бондарь, 2019, с. 508]. В наши дни роль бабушки в семье остаётся традиционной: *От вну'кив воспы'тую, за хазя'йством догляда'ю* (станция Бородинская). *Я щас вну'ка ня'нькаю* (село Екатериновка). *Вну'чички мынэ' вважа'ють, ба'бушку, потому' што я их возрасты'ла, помога'ла дочка'м* (село Шабельское).

Важно подчеркнуть, что бабушки и дедушки являются хранителями народных традиций, верований, примет и стремятся передать их внукам: *Сказа'л мини' дид: «Фси ди'ты, якы' з до'ма вбига'лы, папада'лы к чэртиня'там и са'мы рабы'лысь чэрта'ми». До'лга я ляка'лась выхади'ть з до'му* (станция Бородинская). *Ба'бушка так расказа'ыва-*

ла: е́сли ты сыды́ш на у́лыци и паба́чиш малады́ка, то на́до паказа́ть малады́ку де́ньги и сказа́ть: «Малады́к, малады́к, на тибі́ на рост, а міні́ на здра́вье». И тада́ вин помо́жэ. А е́сли с собо́ю де́них няма́е, то хады́ть за ны́мы спица́льна ныльза́ (станция Бузиновская). Гниздо́ ла́стивкы ны розоря́ють: нызя́ розоря́ть, бо ла́стивка мо́жэ ха́ту спалы́ть. Стари́ лю́ды каза́лы: прынысэ́ жары́ну и спа́лэ. Ёйх ны тро́гають, ёйх и сича́с лю́ды боя́цца... Хто зна́е (станция Дядьковская). Пае́хали за се́нам. Ба́бушки сказа́ли: «Ни е́тте на Смалі́-капну́». Ни паслу́шали их, пае́хали. Зае́хали ужэ́ ф стани́цу. Вирё́фка пиритёрлась, а из выхлопно́й трубы́ выли́та́ит ака́лина — и на се́на. Пря́м ф стани́цы, две́сти ме́траф ад до́ма (станция Передовая). Дедушка и бабушка — носители народной мудрости, которая часто в их речи актуализируется в прецедентных текстах. Например: Я рыву́, а ба́бушка ка́жэ: «Ни рыви́: за чёрным днём завсигда́ кра́сный бува́» (станция Бородинская). Ще́ на́шы диды́ каза́лы: «Хочь жы́знь соба́ча, зато́ во́ля коза́ча». Во́ля — цэ́ для коза́ка са́мэ гла́внэ́ (станция Динская). Я кажу́ уну́ку: «Диржы́сь ба́тька как вош кожуха́» (станция Старомышастовская).

На Кубани деда и бабушку могут называть одним словом *деды́*. Лексема входит в общекубанский лексический пласт и находится в активном словаре у жителей кубанских станиц. См., напр.: У ми́ня́ ате́́ц жыл дивяно́ста лет. За де́душэ́к, ба́бушэ́к ничё́ ни раска́зывал. Па́на, раскажы́ шо-нибу́ть пра дидо́ф — он ничё́ ни раска́зывал (станция Архангельская). Диалектизм не имеет однословных эквивалентов в ЛЯ, его функционирование в КГ демонстрирует актуальность в языковом сознании диалектоносителей восприятия деда и бабушки как единого целого, как основы семьи, в которой главой является мужчина.

Внутри семьи *деды́* выступают неким объединяющим началом. Они часто собирают в своем доме родственников, накрывают стол, с радостью угощают их. См., например, высказывание информанта: Жды́мо́, колы́ до на́с ди́ты, уну́кы пры́йдуть, лю́бым ёйх госты́ть (село. Екатериновка). Такие встречи, бесспорно, сплачивают членов семьи. Приведем воспоминания жительницы станицы Старотитаровской: Ко́лы́ бу́ся Мары́на була́ жыва́, у нэ́й була́ ру́ска пи́чка. Бу́ся лобы́ла собыра́ть ридню́, напы́калы́ пирижки́ в. Собыра́юцца, уси́х подря́т, як ка́жуть, бы́тых и ра́ных, вся ридня́. Несмотря на пережитые трудности, тяжелую работу, *деды́* сохраняют чувство юмора. См., например, фрагмент записи, сделанный в хут. Братском: Ось ще́ я вам зду́мала: «Ти́да-ти́да полюбы́ла ба́пка ди́да, по́вы́сила на кило́к, шоб нэ́ би́гав до диво́к». Оптимистичное отношение

к жизни представителей старшего поколения семьи находит отражение в паремии *Бабу (дида) грие нэ кужух, а вэсэлый дух*. Широко бытующая на Кубани поговорка *Дид за дугу, а баба вжэ на возу* подчёркивает слаженность их действий в быту. Впоследствии это выражение было переосмыслено, приобрело ироническую коннотацию и используется в ситуациях, характеризующих чью-то неоправданную поспешность при совместной деятельности.

С глубоким сожалением диалектоносители отмечают, что отношение молодёжи к старикам меняется в худшую сторону: *Малады́ и ни хо́чут за старика́ми дагля́дывать* (пос. Пашковский). В наши дни внуки далеко не всегда проявляют должное внимание и уважение к бабушкам и дедушкам. Приведём показательное высказывание информанта: *Ба́бушка старэ́нька ска́жэ: «Он цыбэ́рка, пийды́ набэры́ воды́». Видро́! Цыбэ́рка. И ни́хто́ и сло́ва ни мо́х сказа́ть про́тиф. А сича́с? Скажы́, ага́. Так цыбэ́рку ту на го́лову оди́нут* (станция Новодеревянковская). *Уну́ки ре́тка хо́дють: баба́ка ста́рая, ня́нчить ни мо́жэть* (хутор Новопокровский).

С горечью информанты старшего поколения констатируют нарушение преемственности, отход внуков от казачьих традиций, что лишает права называться казаками. Приведём широко бытующую на Кубани присказку, имеющую иронично-презрительную коннотацию: *Дид був каза́к, ди́ты — сыны́ каза́чы, а вну́ки — хвосты́ соба́чы*. Потеря своих корней негативно скажется на будущем поколении. Эта идея находит отражение в следующей паремии: *Жылы́ диды́ — ны ба́чильи биды́, бу́дут жыть вну́ки — нэ обэ́рэ́шся му́ки* (ст-ца Старомышастовская). В записанном в ст-це Динской прецедентном тексте *Диды́ кы́слэ йи́лы, а у вну́ки́в оско́ма на зуба́х* содержится мысль о том, что драматичная судьба дедов, переживших рассказывание, войны, нужду, голод, не могла не сказаться на жизни внуков, которые утратили традиции предков, являющиеся духовной скрепой, помогающей противостоять жизненным трудностям. В приведённых паремиях у ЛЕ *деды́* и *вну́ки* актуализируются значения «исконное казачество как приверженцы традиций» и «современные потомки казаков, традиции утратившие». Выявление оппозитивной семантики свидетельствует о наличии у указанных ЛЕ этноспецифических концептуализированных признаков «славное казачье прошлое» — «бесславное будущее», что позволяет говорить о сформированности в ДКМ знаковой для носителей КГ бинарной оппозиции *деды́ — вну́ки*, не характерной для ЛЯ. Данная оппозиция основывается на приоритетности в сознании диалектоносителей оценки времени в особой, казачьей системе координат.

Между тем языковой материал демонстрирует и гармоничные отношения дедов и внуков, что в целом характерно для русской ЯКМ. Внуки воспринимаются стариками как богатство семьи, о них рассказывают с особенной теплотой, гордятся их количеством, успехами, глубоко переживают их проблемы и неудачи, желают им лучшей жизни, стремятся помочь, в том числе материально. Приведём показательные высказывания информантов: *Внук як жыны 'всь, я каза 'ла, шоп вин стро 'ився, мы з ди 'дом помо 'жым. Зна 'итэ таку 'ни 'сню: «Зробы 'ха 'ту з лободы ', а в чужу 'ю нэ вэды '. Бо чужа 'я така 'я, як свэкру 'ха лыха 'я»* (станция Пластуновская). *Хо 'дъ бы мому 'вну 'кужы 'нка лижыбо 'чиха нэ попа 'лася* (станция Стародеревянковская). *Сирёшка (внук) став пириво 'тчиком, пив-Зимли 'ужэ 'прои 'хав по командиро 'вкам. Таня расска 'зывала, шо Сирёшка бала 'кае по-англи 'ски як ту 'рок!* (станция Старонижестеблиевская). *Пра 'внук о 'чинэ у 'мный ма 'льчик, язы 'к как на вирёвачке* (станция Тверская). *Внук дужэ кмитли 'вый* (Тихорецк), где кмитли 'вый «сообразительный, сметливый, находчивый, догадливый, смекалистый, смышлённый». Часто внуков и правнуков любят даже больше, чем детей. Так, жительница ст-цы Архангельской вспоминала, что бабушка называл ее «моей последней радостью». Любовь к внукам находит подтверждение в широко бытующей на Кубани поговорке: *Ди 'ты до врэ 'мя — вну 'кы до гро 'ба*. Таким образом, отношения дедов и внуков в восприятии носителей КГ имеют двойственную природу.

Слово *внук* в КГ не имеет диалектного эквивалента. Оно может произноситься в местной огласовке [унук] (произношение слогового [У] на месте губно-зубного [В] характерно для многих носителей КГ: *унучка, уре [э] мя*). В наших материалах зарегистрированы два диалектных наименования внуки: *вну 'ля, вну 'ця*. Фонематическими вариантами слов ЛЯ являются лексемы *пра 'мнук, пра 'мнучка* (чередование в корне щелевой <В> и смычно-проходной <М> характерно для КГ и наблюдается и в других словах: *давно ' — дамно ', равни 'на — рамни 'на* и др.).

Родителей в кубанских станицах, так же, как и бабушку с бабушкой, часто называют одной лексемой — *батькы ' / батьки ', отцы ' .* В этих диалектизмах, как и в слове *деды ' ,* актуализируется приоритетность мужского начала в семье. См., напр.: *Аццо 'вы аццы 'прии 'халы у Бату 'ринку* (станция Батуриновская). *Мойи 'батьки 'помэ 'рли* (станция Бородинская). *Постро 'илы ха 'ту, од батки 'в пэреи 'халы и згуля 'лы вхо 'дыны* (станция Гривенская). *Як благословы 'лы ба 'тько и ма 'ты, молоди 'должни 'булы 'поцылува 'ть батьки 'в* (станция Марьяновская). *В станы 'ци я жыву 'с са 'мого ди 'цтва, тут и мойи 'батькы 'жылы 'и диды ' (станция Новотитаровская). Як выхо 'дыла за 'миж, батькы 'надары 'лы*

мэни': ба'тько подары'в тёлочку, а ма'ма подары'ла одия'ло (станция Платнировская). Для номинации родителей используется также сочетание с элиминированной сочинительной связью — ба'тько-ма'терь.

В кубанских станицах раньше было принято жить вместе с родителями: *Ишо'ба'бушка мая'расска'завала. Уйи'х бы'ла де'вить дите'й: читы'ри бра'та и пять систёр. У дварэ'у йи'х бы'ли пу'ньки. И вот, зна'чить, бра'тья е'ти са свае'й сямьёй жы'ли ка'ждай у свае'й пу'ньки. А сёстры бы'ли ишо'низаму'жними и жы'ли с ради'тилями у до'ми* (станция Успенская). Приведём фрагменты бесед с информантами, в которых осуждается отход от этой традиции в наши дни: *А тэпэр'молоди'нэ хо'чуть би'ля старики'в жыть, а тада'жы'лы по двина'цать, читы'рнацать чилове'к* (станция Новотитаровская). *Жы'ли в адно'й ко'мнати. Тут ади'н брат спит, тут ря'дам друго'й спит ж жо'нами. И ма'мка пасриди'ни. Да, тада'бы'ла так, тада'был зако'н тако'й. Сича'с с ради'тилем ни хо'чуть жыть. А ра'ньшы ради'тилей никагда'ни аткида'ли* (станция Тверская). Однако и в прежние времена родители старались отделить молодую семью в отдельную хату (её строили или покупали), что на Кубани называлось жить *на отде'льность*.

Отношение к родителям было почтительным, что подчеркивается в беседах с современными диалектоносителями в следующих контекстах: *Ради'тилей на'да пачи'тывать* (станция Передовая). *Козаки'булы'дю'жэ почита'тильным наро'дом: уважа'лы и роди'тилив свойи'х, ста'рих людэ'й, цэ'ркву дю'жэ почита'лы* (станция Старовеличковская). Родителей в традиционной кубанской семье принято было называть на *вы*. См., например: *Ма'тэ рабы'ла в калхо'зи. Аны'взялы'фсю тя'жбу мушску'на сэ'бэ* (станция Динская).

Обязательным считалось родительское благословение: *Когда'нэви'ста прыхо'дэ с ро'спыси, ба'тько и ма'ты благословля'ють* (станция Ахтанизовская). *Ба'тька з хли'бом, ма'тэ з вико'ною благословля'ють на воро'тах* (станция Бриньковская). *Як благословы'лы ба'тько и ма'ты, молоди'должни'булы'поцьлува'ть батьки'в* (станция Марьянская). *Як дочку'оддава'лы роди'тили, то дава'лы ма'ты ико'ну Ма'тэрь Бо'жью* (станция Новоцербиновская). *Благословля'ють молоды'х. Ма'ты и ба'тько выхо'дят з вико'ною. Молоди'по о'чирэди'цылу'ють вико'ну* (станция Старомышастовская). Если невеста была сиротой, то ранним утром в день свадьбы она посещала могилы родителей: *Ниве'сту-сирату'виду'ть на кла'дбище. Иду'ть и игра'ють: «Вы пайди'ти ва цэ'ркавь, вы уда'рьте гро'мка а ко'лкал, вы разбе'йти мать сыру-зе'млю, раскали'те грабаву'ю даску', разбуди'те (каво'там) па'пачку, ма'мачку, типе'рь мне на'да дать саве'т и пара'дачик,*

как к чужы́м лю́дям итти́ть и чужы́м лю́дям дагади́ть» (станция Кубанская). В наши дни эта традиция сохраняется.

Главенствующее положение в семье занимает отец, слово которого имеет большой вес. Диалектные номинации отца, кроме двух устаревших *тя́тя, тя́тька*, находятся в активном словаре носителей КГ. Одна из лексем — общеславянское существительное *ба́тя*, снабжённое в словарях ЛЯ пометой *Обл.* (МАС. Т. I, с. 69). ЛЕ представляет собой уменьшительно-ласкательную форму (с выпадением *r* и смягчением *t*) от *bratǫ. Первоначально *ба́тя* было обращением к старшему брату, потом — к отцу [Шанский, Боброва, 2004, с. 19]. Существительное имеет в КГ дериваты *ба́тько (а), батя́ня*.

Наиболее частотны в речи носителей КГ общенародные слова *оте́ц, па́па, па́пка*. Показательно, что *па́пой, па́пкой* на Кубани называют хлеб, это характерно и для других русских говоров: смоленских, рязанских, курских, воронежских, сибирских (СРНГ. Т. 25, с. 203]. М. Фасмер, отмечая широкое распространение слова *па́па* в данном значении, поясняет, что оно восходит к лат. *pappa* «каша» (ср. с *papa* «уменьш. название отца», заимствованного из франц. *papa*) (Фасмер, т. III, с. 200). В подобных случаях происходит так называемая *деомонимизация* (термин Л. В. Малаховского). Данное явление, обратное «распаду полисемии», логично назвать *лексической конвергенцией* (схождением двух ЛЕ, слиянием их в одну лексему): слово не теряет, а, напротив, притягивает значение совпадающей с ней по форме ЛЕ, которое органично вписывается в семантическую структуру благодаря наличию осязаемой семантической связи, эксплицирующейся в высказываниях носителей диалекта [Борисова, 2019, с. 405]. Зарегистрированные в КГ контексты подтверждают, что разные по происхождению ЛЕ иногда могут сближаться в сознании диалектоносителей и восприниматься ими как разные ЛСВ одного слова. См. фрагмент беседы с информантом: *Я по́мню: в на́шей семье́ на хли́б каза́лы «па́па».* — Почему папа? — *Ну па́па же́ ри́ же́ хлиб, а ма́ма насы́та́е в тари́лку* (станция Старотитаровская).

Как известно, русская философия относит хлеб к естественно-природным и духовным началам, что находит отражение в функционирующей на Кубани пословице *Хлеб — ба́тько, вода — ма́ты*, где родители ассоциируются с жизненно важными понятиями, образующими в русских паремиях концептуальную связку. На Руси хлеб традиционно называли с любовью *батюшкой, отцом, кормильцем*: *Хлеб — дар бо́жий, отец, кормилец; Хлеб — ба́тюшка, водица — ма́тушка*. Приведённые паремии демонстрируют родственность человека и этого ценного продукта.

Отец в казачьей семье первым приступал к еде, а уже после него начинали есть все остальные домочадцы, о чем свидетельствуют воспоминания диалектоносителей: *Сыда 'ють круго 'м. Хлибы 'на хли 'ба та ка 'я. Ба 'тько ри 'жить. Са 'мый ста 'рший* (хутор Казаче-Малеванный). *Ну быт був ду 'жэ прасты 'й, о 'чинь всё про 'ста-про 'ста. От ще колы 'я мала 'була ' , ба 'бушка расска 'зувала, но вот вана ' сваё де 'цтва када 'вспамина 'ла, гава 'рила, шо у ни 'х ище ' и тари 'лак да 'жэ тада ' не 'была. И вары 'лы ото ' карто 'плю, вары 'лы карто 'шку и ута 'к высыпалы на сти 'л пасриди 'ни (ма 'ма высыпа 'ла йии '). И ба 'тько пэ 'рвым брав оту ' карто 'плю, а ужэ 'пато 'м де 'тям мо 'жна бы 'ла йии 'бра 'ты* (станция Кущёвская).

В активном словаре носителей КГ находятся поговорки, имеющие шуточно-ироническую окраску: *И вора нэ було, и батька вкралы* (так говорят в ситуации, когда что-то исчезло без видимой на то причины); *Гуртом и батька легко би(ы)ть* (сообща можно победить самого сильного); *Не лизь попереk батька в пекло* (не опережай события, жди, что скажут более старшие и опытные). В них эксплицируются такие концептуализированные признаки понятия *отец*, как «важный», «сильный», «опытный» член семьи.

С отцовским началом связывается конкретное пространство, малая родина, что подтверждается бытующими в КГ синонимичными лексемами *батьки(о)вици 'на, отцо 'вщина* «родина». Актуализация у этих существительных второго ЛСВ «наследство» отражает восприятие в народном сознании отца как того, кто закладывает и обеспечивает материальное благополучие детей.

Что касается других репрезентантов микрополя «Кровные родственники», то они будут рассмотрены в продолжении данной статьи.

Библиографический список

Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019.

Бондарь Н. И. Дед / дид — баба (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Бондарь Н. И. Дерево жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019.

Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.

Мишаева М. В., Гасанова М. Ш. Отражение национального характера в антропоцентрических фразеологизмах лакского языка // Филология и человек. 2016. № 3. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

Ткаченко П. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.

Источники

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.

Котелевич А. Н. Скаже, як влипэ: пословицы и поговорки станицы Старотитаровской: Рукопись.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.

Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992: Деп. В ИНИОН РАН. № 47266. (РГК)

СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–50). М.; Л.; СПб., 1955–2017.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. М., 1957–1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.

References

Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macrosystem: a model and its implementation]. Tesis of Philol. Doct. Diss. Krasnodar, 2019.

Bondar' N. I. *Ded / did — baba (materialy k etnokul'turnomu slovaryu Kubani)*. [Ded / did-baba (materials for the ethnocultural dictionary of Kuban)]. In: Bondar' N. I. *Drevo zhizni: ocherki tradicionnoj narodnoj kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika*. [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, 2019.

Matveev O. V. *Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII — nachalo XX veka): kategorii voinskoy mental'nosti*. [Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (late XVIII — early XX century): categories of military mentality]. Krasnodar, 2005.

Mishaeva M. V., Gasanova M. Sh. *Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v antropotsentricheskikh frazeologizmakh lakskogo yazyka*. [Reflection of the national character in the anthropocentric phraseological units of the Lak

language]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2011. No 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

Tkachenko P. *Kubanskije poslovitsy i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

List of sources

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Frazeologicheskiy slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskih govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Kotelevich A. N. *Skazhe, yak vlipe: poslovitsy i pogovorki stanitsy Starotitarovskoy*. [He will say how he will slap: proverbs and sayings of the village of Starotitarovskaya]: Manuscript.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovarju-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

RGK: *Russkij govor Kubani: slovar'*. [Russian dialect is the Kuban]. Ed. by E. P. Shejnina and E. F. Tarasenkof. Krasnodar, 1991. Dep. in INION of Russian Academy of Sciences 12.11.1992. No. 47266.

SRNG: *Slovar' russkih narodnyh govorov*. [Dictionary of Russian folk dialects]. Chief ed. by F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1955–2017.

MAS: *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1957–1961.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg, 1996.

Shanskij N. M., Bobrova T. A. *SHkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov*. [School etymological dictionary of the Russian language. Etymology of words]. Moscow, 2004.